

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82: 316.3

Н. Л. Вершинина

ГЁТЕ В ПРОЧТЕНИИ А. Н. ЯХОНТОВА (К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ)¹

В статье рассматривается проблема способов прочтения иноязычных текстов псковским поэтом и переводчиком А. Н. Яхонтовым (1820–1890). Делается вывод о широте диапазона читательских рецензий Яхонтова в отношении классиков немецкой литературы (И.-В. Гёте, Г. Гейне и др.). Яхонтов выступает не только создателем «эквивалентных» переводов, но и автором текстовых трансформаций, позволяющих вести речь о наличии разнообразных форм метаперевода отдельных литературных пластов, восходящих к одному культурному источнику.

Ключевые слова: рецензия, перевод, читатель, трансформация, текст, инокультурная среда.

N. L. Vershinina

GOETHE IN THE INTERPRETATION OF A. N. YAKHONTOV (TO THE PROBLEM OF CREATIVE TRANSFORMATIONS)

The issue that is addressed in the article is the problem of the ways how foreign language texts are interpreted by the Pskov poet and translator A. N. Yakhontov (1820–1890). The author of the article concludes that there is a wide range of Yakhontov's reading receptions regarding the classics of the German literature (Goethe, Heine, and others). Yakhontov is not only a creator of the «equivalent» translation but also the author of text transformations, which allows speaking about the presence of various forms of meta-translation of individual literary strata that stem from the universal cultural source.

Key words: reception, translation, reader, transformation, text, foreign culture environment.

Имя литератора-псковича, поэта и переводчика Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890), сорок лет прожившего безвыездно в родовом имении Камно, в настоящее время привлекает все больший круг исследователей. Об этом свидетельствует и усилившийся интерес к трудам Яхонтова-переводчика, что закономерно, учитывая роль этих трудов в оставленном писателем наследии и их бесспорную значимость в формировании его литературной репутации. Еще при жизни Яхонтова его деятельность как переводчика (прежде всего, немецких поэтов) оценивалось достаточно высоко. Подтверждением тому служат критические отзывы, публикации и многочисленные перепечатки переводов Яхонтова и, в итоге, закрепившееся (вполне заслуженно) суждение о его переводах как художественной ценности. В некрологе «Московских ведомостей», например, сказано следующее: «Яхонтов составил себе имя прежде всего как превосходный переводчик. Его крупные работы были: *Ифигения в Тавриде* и *Торквато Тассо* Гёте и *Эмилия Галотти* Лессинга. <...>

¹ Публикация подготовлена автором в рамках проектов-победителей конкурсов проектов в области гуманитарных наук (по соглашению с Российским гуманитарным научным фондом) — проект № 12–14–60001 «Культура чтения и литературное краеведение: элитарное и массовое».

Его переводы отличаются обработанностью и тщательностью и передают дух произведения» [1, с. 5].

Между тем, данная сторона деятельности Яхонтова, равно как и особенности его переводческого дара, пока не подлежали систематическому изучению. Современные теории литературного перевода и новейшие научные концепции текстовых трансформаций, которым подвергаются первоисточники в литературных переводах, до сих пор не прилагались к поэтическому наследию Яхонтова. Не сыграло роли и то, что В. М. Жирмунский в фундаментальном труде «Гёте в русской литературе» посвятил Яхонтову несколько содержательных суждений, достаточных, чтобы стать исходной точкой для научных изысканий в данном направлении. В частности, он пишет: «Переводы Яхонтова <...>, второстепенного поэта XIX в., вошли в большинство собраний сочинений Гёте <...> они стоят на довольно высоком уровне стиховой культуры <...>» [2, с. 370]. И в другом месте, относительно одной из «Венецианских эпиграмм», переведенных Яхонтовым, говорит о «довольно точном переводе» [2, с. 114]. Отметим, что недавно введенные в научный обиход архивные материалы, хранящиеся в Институте русской литературы, способствуют тому, чтобы продолжить изучение этих и других тенденций, наблюдаемых в деятельности Яхонтова-переводчика. Бесценным материалом являются находящиеся в Древлехранилище Псковского музея-заповедника четыре рукописные тетради стихотворений и поэм, составленные и переписанные самим поэтом в середине 1850-х годов.

В нашу задачу входит уточнение характера рецепции Яхонтовым иноязычных текстов, предопределившей отдельные значимые черты его поэтики. Основанием служит диапазон текстовых трансформаций в сочинениях Яхонтова, обусловивший наличие у него как «довольно точных» (по современной терминологии, «эквивалентных») переводов, так и лирических «присвоений» [3, с. 25–28] индивидуально-творческого, субъективно-читательского свойства.

Очевидно, Яхонтов-переводчик тяготел к универсализму, что наглядным образом отразилось в расширении круга источников, избранных им для переводческих опытов и имеющих, если можно так выразиться, интернациональную природу. В мемуарном очерке «Воспоминания царскосельского лицеиста» (1888) поэт сам отметил, что еще в Лицее читал «в подлиннике молодых немецких поэтов <...>, не говоря уже о Шиллере и Гёте», там же переводил трагедию Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти» [4, с. 112, 115, 123], а впоследствии, как известно сегодня, обращался к переводам из Гейне, Мицкевича, Фредро, И. Ходзько, Шторма, Ж. Лафонтена, Барбье и др.

Универсализм, однако, выразился не только в пестроте привлеченных для перевода текстов, но и в том, какая функция ими осуществлялась в творческом сознании Яхонтова. Изучение показывает, что характер восприятия источника *менялся* в зависимости от *способа прочтения* текста. В ряде случаев это вело к созданию собственных сочинений, где связь с источником прослеживалась только на уровне контекста творчества поэта и шире — культурно-исторических реалий его эпохи. Другой тип трансформации объединял произведения, где форма указания на источник маркировала «чуждость» привлекаемого текста его реципиенту [5, с. 10], однако выявляла и известный интерес к интерпретируемому автору: «Из Гейне», «Из Мицкевича», «Из гр. Фредро», «Вечер (из Шиллера)», «Значение женщины. (Из Гёте)» [6, с. 35, 45, 49, 76, 201, 255] и т. п. Наконец, к третьей группе относились переводы, подлежащие оценке с позиций «точности» передачи оригинала, его соответствия подлиннику и отражаемой в нем личности иноязычного автора [5, с. 7], например, в сборнике 1884 года: «V-я римская элегия Гёте» [6, с. 83]. Следует, однако, заметить, что такая классификация поэтических трансформаций, применительно к Яхонтову, не всегда претворялась абсолютно. Так, ставший классическим его перевод «Венецианских эпиграмм» по *форме обозначения* следует отнести не к третьей, а ко второй, промежуточной группе: «Эпиграммы из Венеции. (Из Гёте)» [6, с. 221–225].

Своеобразие Яхонтова-литератора заключалось в том, что, проявив себя переводчиком-профессионалом, он, вместе с тем, использовал и те, вышеуказанные способы адаптации оригинальных текстов, в которых мог предстать перед читателем не профессионалом, а любителем. В известном смысле к его поэзии применимо понятие *метаперевода*. Заключение, сделанное исследователем в отношении ряда авторов, ориентирующихся на некий прецедентный источник, можно переадресовать трансформациям Яхонтова, связанным с исходным текстом разными в своей художественной онтологии поэтическими связями: «от произведения, функционально использующего мотивы в определенных художественных целях <...>, до попытки эквивалентной репрезентации иноязычного материала <...>» [5, с. 10].

Яхонтов — первоклассный переводчик — создал коллизию, преобразующую нейтральность подлинника в лирическую экспрессию рождаемой в сфере его влияния авторской модификации. Оригинал подвергался трансформациям, инициируемым настроением минуты, импульсивным прочтением текста, и сам поэт считал естественным чередование «перетекающих» друг в друга творческих задач. Позиция, занятая Яхонтовым, в целом, характеризует его как «второстепенного» поэта, не выдающего в «присвоении» унизительных признаков «плагиата», тем более, в «переводе-присвоении», предполагающем различные уровни воплощения авторского «я». Если «точные» переводы Яхонтова выводили его в ряд «художников», поскольку обладали бесспорными литературными достоинствами, то «переложения» тех же источников (очевидно, любимых Яхонтовым) далеко не всегда эти достоинства сохраняли и умножали.

Соответственно, к переводам «Торквато Тассо», «Ифигении в Тавриде», «Эмилии Галотти», «Римских элегий» и «Венецианских эпиграмм» вполне приложимо определение *художественного перевода*, данное А. Н. Гиривенко: «Это определение в конце 1830-х годов понималось как объективное восприятие инокультурного произведения, сплавленное с индивидуально-творческим опытом, который все же превалировал над объективными художественными особенностями и ценностями воспринимаемого произведения. Понятие постепенно приобретало в России статус термина, вошло в научный лексикон, научную речь» [7]. В то же время к лирике Яхонтова, «перпевающей» мотивы переводов, возможно, говоря на языке эпохи, применить и эпитет «нехудожественный». В данном случае имеется в виду не качество текстов (принадлежность их к «первому» или «второму» ряду), а тот *тип* литературного творчества, где «превалирование» личных целей могло идти в ущерб задачам высокого искусства.

Та же поэтическая индивидуальность, которая, по словам А. Н. Гиривенко, была необходимым условием создания «художественного перевода», реализуясь в лирических модификациях, не обязательно обнаруживала самобытность и находила путь к читателю как явление художественно убедительное.

Именно это, можно предположить, произошло с отдельными произведениями Яхонтова — там, где он предпочел остаться самим собой, то есть поэтом-лириком. К ним с полным правом применима метафора В. Г. Белинского, употребленная при разборе в целом сочувственно встреченной беллетристики М. С. Жуковой: жанр повести (тем более — лирического сочинения) «допускает личное участие автора и может быть прекрасным либретто для музыки его чувства, а часто и ума <...>» [8, с. 370]. «Прекрасной» становится тогда иная сторона сочинения, уже лежащая за пределами искусства: «Вот почему бывают так прекрасны и нехудожественные повести <...>» [8, с. 371].

В нашу задачу не входит разграничение в литературном наследии Яхонтова сторон, которые можно условно отнести к явлениям «массового» и «элитарного» сознания. Но представляется, что сличение способов, которые применялись поэтом согласно целям его поэтической работы, то тяготея к сугубой верности подлиннику, то к его «вольной» (не обязательно «художественной») вариации, заслуживает особого внимания.

Поскольку, несмотря на инокультурную насыщенность поэзии Яхонтова, его обращения к *И.-В. Гёте* и сопутствующие этому тексты, очевидно, предопределили то, что приня-

то именовать *идеей пути*, — наши наблюдения будут основываться на Гётевском контексте творчества Яхонтова. Можно даже предположить, что внутренние, малозаметные душевные драмы «второстепенного» поэта сознавались им в процессе постоянного «вопроснения» Гёте, если воспользоваться пушкинским словом, относящимся к пробуждающим «жар» поэзии «оракулам веков».

Из внешних факторов следует отметить, что в единственном (и итоговом) сборнике «Стихотворения Александра Яхонтова», изданном в Петербурге в 1884 году, переводы из Гёте преобладают над всеми прочими [9, с. 112]: 15 из 38. Яхонтов начинал ими и сохранил их неколеблемый статус в конце пути.

Хронология обращений к Гёте выглядит следующим образом. В Лицее, где Яхонтов учился с 1832 по 1838 год, он «с любовью» берется за перевод «последней сцены, в тюрьме» из I-й части «Фауста» [4, с. 112], которая впервые была опубликована псковским археографом, историком и краеведом Л. А. Твороговым в газете «Псковская правда» с указанием, что Яхонтов работал над переводом в 1835–1837 годах, а, переписывая текст в тетрадь № 2 в 1857 году, внес в него «несколько мелких поправок» [10]. По окончании Лицея начинается служба Яхонтова в качестве петербургского чиновника, что не подавляет, а, напротив усиливает в нем желание заниматься литературным трудом. В 1842 г., выйдя в отставку, он едет в пятимесячное заграничное путешествие (Австрия, Германия, Франция, Бельгия, Польша), во время которого продолжает заниматься переводами из Гёте: V-я «Римская элегия» была опубликована Н. В. Гербелем в 9 томе антологии «Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей» в 1879 г., а затем перепечатана Яхонтовым в сборнике 1884 г. с датировкой: 1860. Отрывок «Из IV (Богиня случая)», «XVII» и «V» элегии (последнюю — в редакции 1842 года) — в местной печати опубликовал Л. А. Творогов [11]). 1842-м годом датируется в рукописи и стихотворение, названное «Из Гёте» («Все возвещает тебя...»), позднее публиковавшееся в антологиях, по преимуществу, под заголовком «Настоящее» [12, с. 53] и под ним же включенное в сборник 1884 года. Текст, озаглавленный «Оправдание поэта. Из Гёте», который прокомментирован З. В. Житомирской как «Реплика Тассо (д. 5, явл. 2)» [12, с. 175], также помечен в рукописи 1842 годом. Впоследствии и он был перенесен в издание 1884 г.

По-видимому, в 1842 году Яхонтов уже приступил к переводу драмы Гёте, поскольку 1843 годом в рукописи датирован авторский «Пролог к переводу трагедии Гёте: Торквато Тассо» — объемное сочинение программного характера (впервые опубликовано Л. А. Твороговым) [13].

В начале 1840-х годов происходит сближение Яхонтова с петербургскими литературными кругами: П. А. Плетневым, А. А. Краевским, И. С. Тургеневым, И. И. Панаевым, Н. А. Некрасовым. Имя Яхонтова становится известным после публикации осуществленного им перевода «Торквато Тассо» в «Отечественных записках» [14, с. 133–188], который, как отмечает В. М. Жирмунский, стал «первым полным переводом драмы» в России [2, с. 370]. При жизни Яхонтова и после его смерти перевод, частично либо полностью, многократно перепечатывался в позднейших антологиях: под редакцией П. И. Вейнберга (1865, 1892), Н. В. Гербеля (1877, 1878) и др. Именно его в статье «Русская литература в 1844 году» отметил Белинский [15, с. 214], как позднее переводы из Шиллера, сделанные Яхонтовым, выделил Н. Г. Чернышевский [16, с. 505]. Переводы «Торквато Тассо» и «Ифигении в Тавриде» (последний опубликован в «Светоче». Пб., 1860. Кн. VI.) получили высокую оценку Н. В. Гербеля в предисловии «От издателя» к 4-му тому антологии [17, с. Ш].

Заслуживает внимания указание Б. Л. Бессонова (основанное, как можно предположить, на не дошедших до нас сведениях, полученных от Л. А. Творогова) относительно того, что в «Отечественных записках» яхонтовский перевод был напечатан «по рекомендации Тургенева и И. И. Панаева» [18, с. 564]. Приятелям по Пскову и Петербургу Ф. Т. Фан-дер-Флиту и А. Кожевникову Яхонтов адресовал шутивное послание «при поднесении им, каждому порознь, перевода Торквато Тассо» [19], которое впервые было опубликовано Л. А. Твороговым со следующим комментарием: «В 1842 году А. Н. Яхонтов, путешествуя за границей, при-

обрёл в Германии, в городе Веймаре, ряд изданий с произведениями немецких поэтов. Несколько стихотворений Гёте и Шиллера он перевёл тогда же на австрийском курорте Ишле. Вернувшись осенью того же года в Петербург, А. Н. Яхонтов <...> приступил к переводу <...> трагедии «Торквато-Тассо»...» [20].

Не только «Торквато Тассо», но и «Ифигения в Тавриде» много раз перепечатывалась в отрывках (1866, 1877, 1878, 1889, 1892 гг.); отдельное издание вышло в Санкт-Петербурге в 1874 г. Написанное Яхонтовым «Посвящение перевода «Ифигении в Тавриде» датируется в рукописи 28-м октября 1857 г. [19] (опубликовано Л. А. Твороговым) [21]. В антологиях под редакцией П. И. Вейнберга и Н. В. Гербеля печатались, кроме указанных произведений, две эпистолы Гёте (первая и вторая) и 104 «Венецианские эпиграммы» [22, 105–110, 113–134], переведенные Яхонтовым.

Осмелимся предположить, что об отношении Яхонтова к Гёте можно сказать нечто подобное тому, что сам Гёте ответил Эккерману в связи с вопросом об «идее» «Торквато Тассо»: «Идея? — удивился он. — Вот уж, честное слово, не знаю. Передо мной была *жизнь Тассо* и моя собственная жизнь; <...> я слил воедино этих двух со всеми их свойствами <...>» [23, с. 533]. Гётевский контекст не только переводных, но и оригинальных сочинений Яхонтова воспринимается как органичный для «произведения его жизни», если воспользоваться толстовской метафорой.

Вот одна из самых напряженных лирических медитаций Яхонтова «*Genio loci*» («Гению места»), датируемая в рукописи 1849 годом, — о ностальгическом возвращении в прошлое (под «кров» Лицея), к гению Пушкина, «таинственному и благодатному гению» места, «Гению тишины». Стилистика текста, в особенности рукописного, воспринимается как *не точный* перевод первых явлений «Торквато Тассо» — диалогов между Принцессой и Леонорой в совокупности с ремарками: «Сад, украшенный бюстами эпических поэтов; направо бюст Вергилия, налево Ариосто» [14, с. 133]; героини пьесы увенчивают их венками. У лирического героя «*Genio loci*» с мечтами юности также связаны «И лавр и мирт и случай благосклонный» [24], здесь есть и мраморный памятник, связанный с личностью гениального поэта. Герой яхонтовского стихотворения исполнен чувствами, аналогичными тем, которые высказывают героини драмы, вновь оказавшись на лоне сельской тишины:

Принцесса

... много здесь

Пережила я дней веселых детства, —

И это солнце, свежий этот дерн

Во мне былые чувства воскрешают... [14, с. 133–134].

Как известно, каменная глыба, на которой было высечено в 1817 году «*Genio loci*», была установлена именно на дерновом холме.

Леонора видит перед собой «Тень вечно-зеленеющих деревьев», а выше — «голубые небеса» и открывающуюся даль: «Далеких гор растаяли снега» [14, 134]. Перед лирическим героем «*Genio loci*» — также вечно зеленый, «новый мир»: «Прими опять под сень густо-вершинных, / Шумящих лип и вековых дубов!»; «Впервые здесь зарей мне улыбнулся / Небесный свод, и в даль меня манил...» [24].

Сходное «чувство» и близкий образный ряд включает в себе и «Посвящение перевода «Ифигении в Тавриде»», которое при жизни поэт не печаталось:

Унеси её (думу. — Н. В.) от света,

Где так мелко занята,

В тот волшебный мир поэта,

Где покой и Красота!

В мир, где мысли нет лукавой

Нет убожества земли,

Где прелестно, величаво

Лавр и мирты расцвели [19].

В окончательной редакции «Genio loci», вошедшей в сборник 1884 года, Гётевский контекст подкреплен ссылкой на «Фауста», что отмечено в «Указателе» З. В. Житомирской: «Использованы мотивы «Посвящения» к «Фаусту»; заключительная строка: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно»!» [12, с. 490]. Материалы Архива А. Н. Яхонтова в ИРЛИ свидетельствуют о том, что поэт собирался вернуться к переводу «Фауста», работа над которым началась в Лицее. Тема «Фауста» актуализуется для Яхонтова в 60–70-е годы, когда особенно интенсивно развивалось его сотрудничество с журналами: «Отечественными записками», «Вестником Европы», «Русской стариной», «Наблюдателем», «Светочем» и другими, но как раз история с «Фаустом» показывает, что отношения эти были не безоблачными.

Вопрос о том, как «прочитывались» произведения Яхонтова в эпоху, когда «все <...> переворотилось и только укладывается» [25, с. 361], требует специального рассмотрения. Очевидно, романтическая эстетика в эту пору связывалась в общественном сознании, преимущественно, с духом перемен, что отразилось и на восприятии литературных обращений к Гёте, будь то «эквивалентные» переводы, «переложения» или научно-критические штудии. Идеологический ракурс явно преобладал над критериями из сферы искусства.

Подразумевая переговоры с сотрудниками «Отечественных записок» и «Голоса», в письме к жене от 7 февраля [1867], Яхонтов замечает: «О статье моей (Фаусте) узнаю завтра» [26]. В письме от 17 февраля того же года уже явственно выражены недоумение и разочарование: «Сегодня еще неудача: статью мою о Фаусте не приняли в Отеч. Записки, потому что я не принадлежу к кружку тех лиц, которые постоянно работают для этого журнала (подч. Яхонтовым. — *Н. В.*). А статья, говорят, хороша. Как тебе это нравится?» [27]. Из переписки поэта известно, что в 1873 г. статья предлагалась в «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу. Стасюлевич писал, в частности, о переводе Яхонтовым «Фауста» (возобновление юношеского опыта), а также о «статье» — очевидно, все той же [28].

Статья Яхонтова увидела свет, но не в периодической печати, а во втором томе антологии Н. В. Гербеля [29] в 1878 году. С большой долей вероятности можно предположить, что это был перевод Яхонтовым с французского статьи Е. Каро «Философские теории второй части «Фауста»», отмеченный в «Указателе» З. В. Житомирской [12, с. 40]. Относительно возобновления юношеского перевода ничего неизвестно.

Можно сказать, что Яхонтов «жил и мыслил» ассоциациями с образами «Фауста» до последних лет жизни. В 1888 г. он вписал в известный «Альбом М. И. Семевского» шуточный экспромт «Вальпургиева ночь»:

В такую ночь — как разум ни светит —
Не приведет к желанному рассвету.
Такую дичь позволено нести
Лишь гениальному поэту [30, с. 253].

Выше было отмечено, что в сборник 1884 года, завершая его, вошло раннее «Оправдание поэта», причем, отражение в нем монолога Тассо (действие 5, явление 2) получило личностную, самобытную окраску. Наблюдаются заметные расхождения этого текста с его «параллельной» редакцией в составе пьесы — в первом издании 1844 г. [14, с. 183] и повторных публикациях произведения в антологиях Н. В. Гербеля и П. И. Вейнберга [31, с. 11]. Если можно так сказать, *драматургическая* редакция создавалась от лица *Яхонтова-переводчика*, в то время как редакция, датированная 1842 годом и сохраненная в сборнике, в большей степени, принадлежала *Яхонтову-лирику*.

Подтверждением является и медитация на тему фрагмента, которой открывался сборник. Возвращение к Гёте означало, прежде всего, возвращение к себе, «оправдывающему» факт своего обращения к поэтическому творчеству (при всем его несовершенстве) потребностью, возвышающей статус человеческого духа. Монолог Тассо из драмы («Напрасно я стараюсь укротить / Потребность эту мыслящего духа, — / Она в груди меняет ночь со днем!» [14, с. 183]), стихотворение «Оправдание поэта. Из Гёте» («Напрасно я пытался превозмочь / В себе потребность мыслящего духа — / Излиться в слове мощном и живом...») [6, с. 262]) и

оригинальное сочинение Яхонтова «Мне робко шепчет тайный голос...» 1878 г., где содержатся строфы:

Есть мощная потребность духа:
 Потребность — высказаться; глухо,
 Порой звучит ея струна,
 Средою чуждой смущена.
 Но и под гнётом невниманья,
 Насмешки едкой, порицанья
 Не может замолчать она [6, с. 3], —

фиксируют разные фазы поэтических отношений с текстом Гёте и разные формы реализации метаперевода.

Если считать тексты с пометами «Из Гёте»: «Оправдание поэта» и «Значение женщины» — *фрагментами* драмы «Торквато Тассо», которые, при всей близости подлиннику, выводились их автором за пределы «точного» перевода, — нужно учесть и обстоятельство, отмеченное Ю. А. Тихомировой: «Трансформация оригинального смысла происходит за счет тщательного переводческого выбора фрагмента и устранения из его оригинального текста связей с контекстом целого. Результатом становится смена стилевого и смыслового регистра» [5, с. 11].

Текст, озаглавленный в сборнике «Значение женщины. (Из Гёте)» и датированный 1875 годом, — наглядный пример такого «полуприсвоения»: личной заинтересованности в теме и привлечения для ее выражения «чужого» текста; сохранения явной связи с «контекстом целого» и одновременно разрушения ее «мощной» лирической интенцией. Помета в «Указателе» З. В. Житомирской: «Реплика Элеоноры (д. 2, явл. 1)» [12, с. 175] лишь констатирует связь с первоисточником, но, разумеется, не отражает амбивалентный характер этой связи. Приведем для сравнения соответствующее место из перевода «Торквато Тассо» и текст, озаглавленный «Значение женщины» в сборнике 1884 года.

<p>«Торквато Тассо». Драма, соч. Гёте. Пер. А. Н. Яхонтова. (1844). Действие 2, явл. 1.</p>	<p>А. Н. Яхонтов. Стихотворения, 1884.</p>
<p style="text-align: center;">Принцесса</p> <p>А если хочешь с точностью узнать Пристойности священные границы, У благородных женщин ты спроси. Они пекутся, им всего важнее, Чтоб в их кругу пристойно было всё. Приличие стеною ограждает И нежный их и беззащитный пол, Где нравственность владычествует всеми: Они царицы там, а наглость где — Они — ничто; и если оба пола Спросил бы ты — свободы ищет муж, А к нравственности женщина стремится [14, с. 150]</p>	<p style="text-align: center;">Значение женщины. (Из Гёте).</p> <p>Кто хочет уяснить себе точней Пристойности священные границы, — У благородной женщины спроси! <i>Она</i> печётся, <i>ей</i> всего важнее, Чтоб в круг нея пристойно было всё. Приличие стеною ограждает Ея высоко-светлую среду; Где нравственность господствует над всеми, Она — царица там, а наглость где — Она — ничто! и если оба пола Спросил бы ты, — <i>свободы</i> ищет муж, А к <i>нравственности</i> — женщина стремится [6, с. 201]</p>

Те же закономерности, бесспорно, действенны и для другого значимого контекста творчества Яхонтова — «гейневского»: в сборник 1884 г. вошло 14 переводов стихотворений Г. Гейне и комплекс текстов, проецируемых на этого поэта [9, с. 103–107]. Большой массив произведений, соприкасающихся с лирикой Гейне, остался за пределами сборника — в журнальных публикациях Яхонтова и его рукописном наследии. О наличии — в качестве

одного из основополагающих — «гейневского контекста» свидетельствует выбранный автором эпиграф, предваряющий сборник 1884 года: *Comme le géant Anthée devenait vigoureux et invincible quand il touchait du pied la terre, sa mère, tandis qu'il perdait ses forces quand Hercules le soulevait en l'air, ainsi le poète est puissant, tant qu'il n'abandonne pas le terrain de la réalité, et de vient faible, dès qu'il s'élève, en rêvant, dans l'espace.*

H. Heine.

В переводе:

Как гигант Антей становился сильным и непобедимым, когда он касался ногой земли, его матери, в то время как он терял свои силы, когда Геркулес его поднимал в воздух, так и поэт мощен, пока он не оставляет почву реальности, и становится слаб, как только он воспаряет, мечтая, в космическом пространстве.

Г. Гейне.¹

Не случайно рецензент сборника в «Отечественных записках» выделил этот пласт, подразумевая не собственно переводы Яхонтова, а присущую определенной эпохе его творчества магистральную тенденцию: «<...> в шестидесятых годах перевел Гейне <...>» [32, с. 74].

Изучение показывает, что в Яхонтове правомерно видеть не только переводчика в традиционном смысле слова, но и *метанепереводчика*. Для поэтов, не относящихся к разряду литературных классиков, границы между «своим» и «чужим» имели значение лишь в случае, если необходимо было прямое, целенаправленное воспроизведение источника. Во всем остальном оригинальные тексты могли выполнять функцию катализатора, который стимулировал их собственные литературные опыты, давал им жизнь, без этого недостаточную, как, очевидно, полагали и сами сочинители. Нельзя не вспомнить автопризнание Яхонтова, которое сопровождало окончание его работы над переводом «Торквато Тассо» и «Ифигении в Тавриде»:

Окончен труд — и жаль расстаться с ним!

Он дух питал чудесной, крепкой пищей:

Богат я был сокровищем чужим,

И — обеднел, и с рублищем своим,

Стучуся в храм поэзии, как нищий!» [33, с. 6].

Разнообразные инокультурные контексты, организующие творчество Яхонтова, свидетельствуют, в частности, о том, читателем какого широкого диапазона — и в плане охвата материала, и в отношении способов прочтения — был поэт. Можно сказать, он полностью погружался в атмосферу привлеченного источника и погружал в нее, актуализуя все уровни литературности, своего читателя. И если образчиком безукоризненной «точности» можно считать переводы Яхонтова, то его лирику, написанную по «чужим» мотивам, следует рассматривать как средство задушевного общения с читательской аудиторией.

Литература

1. Московские ведомости. 1890. 3 ноября. Подпись «Е. П.».
2. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Наука, 1982.
3. Гиривенко А. Н. Поэтический перевод в России первой трети XIX века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГПУ, 2000.
4. Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста // Русская старина. 1888. Т. LX. № 10.
5. Тихомирова Ю. А. Жанровые разновидности романтического перевода (на материале переводов И. И. Козлова из английских поэтов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: Томский государственный университет, 2008.
6. Стихотворения Александра Яхонтова. СПб., 1884.
7. Гиривенко А. Н. Поэтический перевод в России первой трети XIX века. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: МГПУ, 2000. В сети <http://www.dissercat.com/content/poeticheskii-perevod-v-rossii-pervoi-treti-xix-v>
8. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978.
9. Сашина Е. В. А. Н. Яхонтов — переводчик // Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры: коллективная монография. Псков: ПсковГУ, 2011. С. 103–118.

¹ Перевод Е. В. Сашиной.

10. Псковская правда. 1964. 10 мая.
11. Константинова С. Л. «Римские элегии» и «Эпиграммы из Венеции» И.-В. Гёте в переводах А. Н. Яхонтова // Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры. С. 119–137.
12. Житомирская З. В. Иоганн Вольфганг Гёте. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1789–1971. М.: Книга, 1972.
13. Псковская правда. 1964. 13 августа.
14. Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. № 8. Отд. 1.
15. Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981.
16. Чернышевский Н. Г. Шиллер в переводе русских поэтов. Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изданных под редакцией Н. В. Гербеля. Часть первая. СПб., 1856 // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. IV. Статьи и рецензии. 1856–1857. М.: Гослитиздат, 1948.
17. От издателя // Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей, изданном под ред. Н. В. Гербеля. Т. 4. Драматические сочинения в стихах. СПб., 1878.
18. Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Изд. 2-е / Биографические справки, подготовка текста и примечания В. Г. Базанова, Б. Л. Бессонова и А. М. Бихтера. Л.: Советский писатель, 1968. (Библиотека поэта. Большая серия). Биографическая справка и комментарии, относящиеся к А. Н. Яхонтову, написаны Б. Л. Бессоновым.
19. Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 3 // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А. Н.). ОФ 16333 (14).
20. Ленинская искра. 1964. 14 июня.
21. Молодой ленинец. 1964. 30 июля.
22. Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей, изданном под ред. Н. В. Гербеля. Т. 9. Лирика и драмы. СПб., 1879.
23. Эккерман И.- П. Разговоры с Гёте в последние годы жизни. Пер. с нем. Наталии Ман. М.: Художественная литература, 1981.
24. Рукопись. Стихотворения А. Яхонтова. № 1 // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 881 (Яхонтов А. Н.). ОФ 16333 (12) (авторское примечание к тексту).
25. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. VIII. М.: Художественная литература, 1981.
26. Письмо А. Н. Яхонтова жене, А. Н. Яхонтовой, от 7 февраля [1867] СПб.: // РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Архив А. Н. Яхонтова. Ф. 354, № 17, л. 89.
27. Письмо А. Н. Яхонтова жене, А. Н. Яхонтовой, от 17 февраля. Пятница. [1867] // РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Архив А. Н. Яхонтова. Ф. 354, № 17, л. 91 (об.).
28. Письмо М. М. Стасюлевича А. Н. Яхонтову от 29 апреля 1873 г. Здесь же: черновик ответного письма А. Н. Яхонтова // РО ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Архив А. Н. Яхонтова. Ф. 354. № 26, л. 2–2 (об.).
29. Собрание сочинений Гёте в переводах русских писателей, изданном под ред. Н. В. Гербеля. Т. 2. Фауст. СПб., 1878.
30. Альбом М. И. Семецкого, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». 1867–1888. СПб., 1888.
31. Вершинина Н. Л. А. Н. Яхонтов и его книга «Народная война 1812 года». Монография. Псков: ПсковГУ, 2012.
32. Отечественные записки. 1884. Т. <CCLXII> CCLXII. № 1. Отд. II.
33. Светоч. СПб., 1860. Кн. VI.